

А.С. Озерова*

ДЕТСКИЕ ГОДЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПОЛЬСКОГО ШЛЯХТИЧА В XIX в.

A.S. Ozerova

CHILDREN'S YEARS OF THE 19th-CENTURY PROVINCIAL POLISH GENTRY

Аннотация. Предметом исследования в статье является картина мира, сложившаяся у ребенка 6–11 лет из польской дворянской семьи, на основе мемуаров Яна Булгака. Цель исследования — характеристика особенностей воспитания детей в семьях польских шляхтичей во второй половине XIX в. Впервые вводятся в научный оборот воспоминания типичного представителя польского дворянства о своем детстве, что позволяет увидеть национальную специфику в методах воспитании молодого поколения дворянства, способствует выявлению особенностей воспитательного процесса в дворянских семьях вообще и в польских семьях в частности. Охарактеризованы различные аспекты жизни польского дворянина на фоне состояния польской семьи второй половины XIX в. С точки зрения демографических факторов отмечается переход к семье иного типа, характеризующейся снижением уровней смертности и рождаемости, что способствовало усилению внимания к проблемам воспитания детей, подготовке к их последующей жизни вне семьи, которая начиналась, как правило, уже в период отрочества. Вместе с тем, базовые черты характера закладывались именно в детстве как особом этапе формирования личности человека. Система воспитания и обучения в семьях польских шляхтичей в основном мало отличалась от воспитания дворянских детей в Российской империи второй половины XIX в. Для нее характерны определенная изолированность от детской среды, формирование взгляда на свое положение в обществе как на особое, закладываемое как родителями, так и учителями, некая бессистемность домашнего образования, а порой и его полная безрезультатность — из-за приглашения на роль учителей случайных людей. Польский шляхтич был ориентирован на участие в жизни дворянства как части общеевропейского общества и отсюда — раннее обучение французскому языку, даже родной язык проигрывал в этих приоритетах. Вместе с тем, на процесс воспитания польских детей и на внутрисемейные

* *Озерова Анна Сергеевна*, аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ozerova Anna Sergeevna, PhD Student, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+ 7-916-455-53-42; annikays@yandex.ru

отношения немалое влияние имели политические факторы. Это выразалось в неприятии ребенком русского языка, формировании ореола героизма вокруг участников польских восстаний и т.п.

Ключевые слова: Ян Булгак, польское дворянство, домашнее образование, семейное воспитание, история воспитания, воспоминания о детстве.

Abstract. The subject of the research is a worldview of a 6–11-year-old child from a Polish noble family, as it is represented in the memoirs by Jan Bułhak. The aim of the study is to characterize child-rearing in the second half of the 19th century. The memories of the typical representative of the Polish nobility about his childhood are used for the first time in academic research. It allows us to see national peculiarities in the upbringing of the noble young generation and to reveal the features of the educational process in noble families, as well as in Polish families in general. The article characterizes various aspects of the family life of the Polish noblemen in the second half of the 19th century. Taking into consideration demographic factors, the analysis indicates the transition to the family of a different type with decreasing mortality and fertility. This contributed to higher attention to the problems of raising children and preparing them for the life outside the family that usually started during adolescence. Basic character traits were formed in childhood. The system of children upbringing and education in the families of Polish gentry was basically little different from the one in the Russian Empire in the second half of the 19th century. It is marked by certain disconnectedness from same-age peers, perception of one's own position in the society as unique that was stimulated by parents and teachers, and a kind of unsystematic home education and even its occasional complete failure due to the employment of unprofessional people. The Polish noblemen were destined to participate in the life of the gentry, being part of the pan-European society. Therefore, learning French at an early stage was even more important than learning their native language. At the same time, political factors had a considerable impact upon the process of upbringing Polish children and inner-family relations. For example, they were expressed in the rejection of the Russian language, enveloping participants of Polish uprisings with an aura of heroism, etc.

Keywords: Jan Bułhak, Polish nobility, home education, family upbringing, parenting history, childhood memories.

* * *

В XIX в. в Европе такому периоду в жизни человека, как детство (особенно в дворянском обществе), стали уделять больше внимания. В контексте философии Просвещения, а затем и идей романтизма первые годы жизни стали рассматриваться как время формирования личности. В соответствии с этими новыми идеями и подходами предлагались новые направления в развитии образования, постепенно входили в школьную практику основанные на этих идеях новшества. Но, пожалуй, самым заметным явлением был переход от

традиционного холодного и строгого обращения с детьми к большей эмоциональности и теплоте.

Всё это в той или иной степени характерно и для польского дворянского общества XIX столетия. После падения Речи Посполитой и неудачной попытки восстановления Польши Наполеоном императивом для польской шляхты становится сохранение «польскости» как необходимого условия будущего возрождения независимого государства. В связи с этим воспитание детей в жизни шляхетской семьи обретает не только педагогическое, но и социальное и даже политическое значение, ибо молодое поколение было обязано сохранять и поддерживать национальную идентичность, польский язык и католическую веру.

Естественно, новые веяния не сразу овладевали умами родителей, они превращались в нормы постепенно, существовали в причудливом симбиозе с традиционными подходами к вопросам детского воспитания. В этот период провинциальная польская дворянская семья сохраняла многие патриархальные черты, прежде всего доминирующую позицию отца.

Вследствие прогресса медицины, гигиены и санитарии в быту наблюдалось сокращение детской смертности и рождаемости. У родителей появилась возможность уделять своим детям больше времени, внимания и заботы. На смену многопоколенной приходила семья, состоящая обыкновенно из двух поколений — родителей и детей и замыкающаяся в узком кругу ближайших кровных родственников¹.

Воспитанием детей до определенного возраста занимались нанятые для этого (если у семьи были на это средства) няньки, гувернантки и гувернеры, но родители также уделяли внимание своим детям. Хотя роль родителей в воспитании, особенно в обеспеченных семьях, была скорее направляющей.

Методы воспитания юных шляхтичей проявляют тенденцию к смягчению — все реже в семьях применяются телесные наказания. При этом детский быт отличался простотой даже в обеспеченных семьях — у ребенка редко могла быть такая роскошь, как своя комната.

У детей шляхты, как правило, была возможность получения всех видов образования, но начиналось оно обычно с домашнего.

Не слишком напряженная учеба и отсутствие необходимости физического труда (это относится к землевладельческой шляхте) давали возможность юным шляхтичам в полной мере побыть детьми,

¹ *Bołdyrew A. Matka i dziecko w rodzinie polskiej. Ewolucja modelu życia rodzinnego w latach 1795–1914. Warszawa, 2008. S. 228.*

проводя свое свободное время в играх. Дети могли также участвовать в некоторых развлечениях взрослых — театр, прием гостей, прогулки.

При всем разнообразии конкретных случаев, существовали все же некие принятые в данной среде стандарты подготовки ребенка к взрослой жизни. В их реконструкции определенную помощь исследователям могут оказать характерные для шляхетского социума мемуары. Конечно, при их использовании следует учитывать, что воспоминания писались людьми уже взрослыми, и зачастую информация о детских годах выглядит искаженной, как правило, чересчур романтизированной. К тому же у мемуаристов нет единого понимания понятий «ребенок» и «детство». Одни распространяют их на возраст до момента перехода детей из-под родительской опеки под надзор учителей, т.е. примерно до 7–12 лет, но это относится лишь к мальчикам. Польский историк А. Пахоцкая считает, что у девушек переход во взрослую жизнь происходил около 15 лет, когда они начинали носить длинные платья, принятые у женщин². Современные социологические исследования склоняются к тому, чтобы трактовать период детства исходя из индивидуальных особенностей ребенка³.

К сожалению, в польских мемуарах обычно содержится не слишком много сведений о детстве, чаще всего говорится только о дате и месте рождения, количестве братьев и сестер, приводятся краткие данные о родителях. Почему мемуаристы практически обходят молчанием свое детство? Причин много, хотя бы обыкновенная забывчивость. С возрастом в памяти остаются только какие-то яркие события, а их в жизни в поместье много не бывает. Немаловажно и то, что шляхтичи писали свои мемуары не для широкого круга читателей, а в назидание детям и внукам, делая упор на примеры для подражания или предостережения. Конечно, больше подобных примеров давали юношеские и зрелые годы. Для принадлежащего к благородному сословию человека первостепенной задачей являлась передача истории рода, а особенности воспитания как таковые не были столь важны⁴.

На общем фоне подавляющего большинства мемуаристов резко выделяется Ян Булгак (1876–1950), которого часто называют «отцом польской фотографии». Он оставил уникальные воспоминания о сво-

² *Pachocka A. Dzieciństwo we dworze szlacheckim w I połowie XIX wieku. Kraków, 2009. S. 12.*

³ *Kicowska A. Pamiętniki jako źródło do badań nad dzieckiem i dzieciństwem // Dziecko w rodzinie i społeczeństwie. Dzieje nowożytne. T. 2. Bydgoszcz, 2002. S. 301–310.*

⁴ *Waksmund R. Historia dziecka i dzieciństwa z perspektywy prozy wspomnieniowej // Dziecko w rodzinie i społeczeństwie. Dzieje nowożytne. T. 2. S. 311–321.*

их юных годах, аналогов которым в польской мемуарной литературе практически нет. Благодаря его воспоминаниям, опубликованным только в начале XXI в., появляется возможность детально воссоздать картину детства польского шляхтича в последней четверти позапрошлого столетия.

Первые попытки зафиксировать свои детские впечатления Ян Булгак предпринял еще в 1936 г. В последнем томе его цикла «Путешествия фотографа» (сборник VI «Человек — творец пейзажа») приводится описание Новогрудского края, посвященное усадьбам, которые были ему знакомы еще с детства. Примерно в это же время он объявил о намерении издать сборник «Страна детских лет», но работу над ним прервало начало Второй мировой войны. К сожалению, не сохранилось никакой информации о том, какие именно снимки должны были войти в сборник. В 1937 г. Булгак опубликовал автобиографическую повесть под названием «Д.О.М.», посвященную всем тем, кто в результате военных действий 1914–1920 гг. потерял свое родовое гнездо. В этой повести автор изобразил себя в роли главного героя — маленького Юрека. Другие действующие лица были взяты из реальной жизни, как например Каролина Карпович, тетка Яна Булгака, и другие его родные и знакомые со времен детства. Вариант был проиллюстрирован детскими фотографиями сына Яна Булгака в усадьбе в Пересеке.

Первый том воспоминаний Булгак писал в Вильно с января 1940 г. до октября 1942 г. во время, когда в городе сменяли друг друга литовские, советские, немецкие власти, а интенсивной работе способствовал введенный комендантский час. Машинописный текст, который насчитывал свыше 600 страниц, с поправками автора, уцелел. Второй том — «Полжизни в Вильно», который он писал с ноября 1942 г., насчитывал около 300 страниц. Машинопись второго тома сгорела в июле 1944 г. Еще перед репатриацией в Польшу Булгак планировал восстановить текст, но дальше трех страниц дело не пошло. В Польше виленского фотографа увлекли новые дела — документация разрушенной и восстановленной Варшавы, запечатление воссоединенных земель, восстановление польского фотографического движения и пр. По инициативе сына Яна Булгака в 1952 г. уцелевший том воспоминаний был переписан в 7 экземплярах, а в последующие годы еще дважды. В общей сложности сохранилось около 18 копий, которые оказались в руках частных лиц.

Воспоминания воссоздают полную картину повседневной жизни семьи Булгаков с самыми мельчайшими подробностями. Удивительным образом автор воспроизводит обстановку дома, природу,

события. Но поскольку это источник личного происхождения, стоит учитывать его субъективность. Дело даже не в том, что реальные факты Булгак разбавляет выдуманными. В основе текста — не собственно детские воспоминания автора, а их причудливая смесь с более поздними его впечатлениями: особенно это касается географических представлений об окрестностях, переданных с совершенно не характерными для юного героя (от лица которого ведется повествование) особенностями.

Булгак родился 6 октября 1876 г. в Осташине Гродненской губернии, где и провел свое детство, покинув отчий дом в возрасте 11 лет для обучения в Первой виленской гимназии. Его родители принадлежали к среднезажиточной шляхетской семье, владели собственными фольварками.

Ян был единственным ребенком в семье. По его словам, ему не раз приходилось остро ощущать нехватку родственников, что повлияло на формирование его характера и сделало его эгоцентричным человеком⁵. Для XIX в. были характерны многодетные семьи, наличие только одного ребенка не было распространенным явлением. В связи с этим, как отмечает В.М. Бокова, воспитание в таких семьях имело определенные особенности: к детям относились очень бережно, холили и лелеяли, следили за каждым шагом и возможными признаками болезни — лишь бы с ребенком ничего не случилось⁶.

Как пишет Булгак, его детские годы — это непрерывный поток счастливых дней и глаза родителей, наполненные счастьем. В воспоминаниях его отец Валерий и мать Юзефа кажутся ему лучезарно красивыми. Но у этой медали была и другая сторона: мальчик был избалован матерью, что было обычной долей и несчастьем для единственного ребенка в семье. Его мать имела слабое здоровье и не могла больше иметь детей, поэтому всю свою материнскую любовь она сосредоточила на нем одном, тем более что в первые годы жизни маленький Ян часто болел и очень беспокоил этим родителей. Слишком волнуясь о его здоровье, они не заботились о том, чтобы воспитывать его систематически.

Впоследствии из сохранившихся писем умершей в 1893 г. матери Ян узнал, какой страх она испытывала за будущее. Она много лет была больна, ощущала все больший упадок сил, боялась, что не успеет вырастить сына, и страдала от этих предчувствий, которые,

⁵ *Bułhak J.* Kraj lat dziecinnych. Gdynia, 2003. S. 24.

⁶ *Бокова В.* Отроку благочестие блюсти. Как наставляли дворянских детей. М., 2013. С. 9.

к сожалению, сбылись⁷. Любое легкое недомогание мальчика становилось для нее трагедией. Если отца мальчик хотя бы немного боялся, то мать, по мнению ребенка, жила исключительно для него, и он привык, что она угадывала его мысли, угождала его желаниям.

Но когда автор воспоминаний немного подрос, его восприятие изменилось. Он стал относиться к матери как к деспотичной женщине, следящей за каждым его шагом, ее любовь связывала его и казалась обременительной⁸. Ян начинал понемногу бунтовать против этой «тирании чувств» и старался всё больше обособиться, отдаляясь от матери. В мемуарах Булгак откровенно признал, что он не заслуживал той самоотверженной любви, с которой мать посвятила ему свою жизнь. Будучи уже взрослым человеком, он стал чувствовать свою непоправимую вину перед ней. Это тяжелое чувство сопровождало его на протяжении всей жизни.

Последовательный рассказ о своем детстве Булгак начинает с 1882 г., когда ему исполнилось шесть лет и он уже мог многое хорошо запомнить. У читателя складывается ощущение, как будто он сам погружается в жизнь этой семьи, в обстановку дома. У мемуариста была просто фотографическая память: он с поразительной точностью описывает свой дом и окрестности, хотя с момента, когда он окончательно покинул места детства, прошло уже более 20 лет⁹.

Дом Булгаков в Осташине был просторным и уютным, но при этом не роскошным. Вся мебель была сделана вручную под руководством отца. Экономили практически на всём, даже на дешевом сахаре, придерживаясь старого деревенского обычая небогатой шляхты: за деньги покупаются только соль и железо, а всё остальное надо иметь свое, домашнего производства¹⁰.

Комнаты в доме были просторные, с высокими потолками и большими окнами. Особое впечатление на ребенка производили коридоры, длинные и темные, которые служили одновременно и местом для игр, и источником любопытства и страха. Особенно Ян любил играть вместе с детьми прислуги в этих коридорах в прятки. Также привлекала его столовая, где в углу стояла кровать, в которую его укладывали, когда он болел, чтобы ребенок не находился один. В этой же столовой висело три портрета представителей рода Громьк

⁷ *Bulhak J.* Op. cit. S. 24.

⁸ *Ibidem.*

⁹ *Вяршыцкая Т.Р.* Зямны пантэон Яна Булгака // Ян Булгак і культура заходнебеларускага рэгіёну ў канцы XIX ст. да Другой сусветнай вайны. Гродна, 2009. С. 16.

¹⁰ *Bulhak J.* Op. cit. S. 31.

начала XIX в., покрытые толстым слоем грязи, под которым лица были едва различимы. Ян любил использовать их как мишень, стреляя из лука, и никто ему не объяснял глупости его поведения¹¹.

Домашнее хозяйство в Осташине было построено таким образом, что всё производили только для себя, не продавая ничего на сторону¹². Помимо Яна и его родителей в доме проживало еще около 20 человек прислуги, няня Юлия, выполнявшая только особые поручения матери¹³, также в доме постоянно находились гости, которые обычно оставались надолго. Поэтому все запасы еды в семье уходили только на то, чтобы прокормиться самим.

Ян очень любил приходить на кухню и наблюдать за прислугой¹⁴. Существует мнение, что мир дворовых служил для маленького дворянина главной, нередко единственной школой национального чувства, которая роднила ребенка с народом, воспитывала в нем способность понимать народную жизнь, прививала какие-то народные элементы, что нередко влияло на его будущее¹⁵. Из воспоминаний Булгака можно сделать другой вывод: наблюдая за «простонародьем», ребенок осознавал отличие шляхты, пусть и говорящей на не совсем правильном польском языке, от окрестных белорусов, взрослых и детей, живущих другой, более приземленной жизнью.

Распорядок дня в доме Булгаков был вполне устоявшимся. День начинался с общего, довольно продолжительного завтрака. Яну это не особо нравилось, но тем не менее ему приходилось следовать домашним традициям. После завтрака для детей наступало время занятий, которые тянулись до обеда, обычно до часа дня. Затем все собирались к обеду. У Яна каждый прием пищи вызывал тоску, так как он не отличался хорошим аппетитом, а обязательный прием перед обедом рыбьего жира убивал последние его остатки. Однако ему приходилось съесть свой обед под чутким наблюдением матери. Как и любого другого ребенка, Яна больше всего радовало, когда подавали десерт — запеченные яблоки, шарлотку, повидло, вафли или оладьи с яблоками. После обеда дети в компании наставника отправлялись на прогулку.

После прогулки наступало время занятий на фортепиано, где учителем выступала мать Яна. По их окончании мальчик бежал готовить домашнее задание. Чаще всего это не отнимало у него

¹¹ Ibid. S. 32.

¹² Ibid. S. 123.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid. S. 124.

¹⁵ Бокова В. Отроку благочестие блюсти. С. 71.

много времени, и поэтому перед ужином у него было несколько свободных часов, когда он был предоставлен самому себе. Ужин подавали примерно около восьми часов вечера. Вечерами обычно долго сидели за столом, время проводили за разговорами или игрой в карты. Разговоры сводились к хозяйственным делам: каким будет урожай в этом году, будет ли завтра дождь, сколько корма имеется для животных и т.д.¹⁶

В десять часов вечера Яна отводили спать. Перед тем как уснуть, мальчик читал вечернюю молитву, а в конце просил Бога избавить его от страшных снов.

Ян предпочитал теплое время года. Зима для него была скучной порой, так как из-за слабого здоровья его редко отпускали гулять. Поэтому мальчик специально для себя придумал календарь, в котором зачеркивал дни и считал, сколько осталось до наступления весны. С еще большим нетерпением он ждал наступления праздников, которые всегда справлялись в доме. Например, Рождества, когда дома была праздничная суета и особая атмосфера, на это время прекращались все уроки и дом был полон гостей.

Особенный праздник, который всегда отмечали очень торжественно, приходился на день св. Юзефа. Отмечали его дважды, по новому и по старому стилю, т.е. 7 и 19 марта. Это были именины матери Яна. А вот именины отца, которые приходились на 14 апреля, не отмечали вовсе. Связано это было прежде всего с характером Валерия Булгака, который не любил излишнего внимания к своей персоне¹⁷. Но именины своей жены он отмечал с удовольствием и каждый год привозил ей из Минска флакон дорогих французских духов.

У Яна же день св. Юзефа ассоциировался не только с неким торжеством, но прежде всего с днем, когда он чувствовал, что весна уже совсем скоро. К этому празднику под руководством гувернера заранее готовился рисунок с поздравлением для матери. Главный принцип подготовки к празднику заключался в том, что всё должно быть «не хуже, чем у соседей»¹⁸. Это проявлялось, главным образом, в количестве приготовленной еды и в сервировке стола.

Для Яна проживание в собственном, семейном доме было самым естественным на свете делом. Каково же было его удивление, когда он узнал, что брат отца, Антоний Булгак, вынужден арендовать фольварк у князя Антония Радзивилла. Поскольку фольварк в собственности

¹⁶ *Bulhak J.* Op. cit. S. 130.

¹⁷ *Ibid.* S. 133.

¹⁸ *Ibid.* S. 137.

не был, дядя не старался заботиться о внешнем виде дома и сада. Ребенок не понимал, как может кто-то не иметь собственного дома и земли, тем более что речь шла о его родном дяде. Арендовать у кого-то дом казалось ему верхом бедности и даже отчасти позорным¹⁹. Здесь стоит отметить, что в результате серьезных конфискаций после восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. подобных шляхтичей было достаточно много и жилось им не так уж плохо. А арендовать имущество у Радзивиллов было вообще делом выгодным, так как они предоставляли выгодные условия и разбогатеть такому арендатору было даже проще, чем владельцу собственного поместья²⁰.

С другими детьми шляхты Ян соприкасался редко. Чаще всего это были его двоюродные братья Мариан и Богдан. Воспитывали их иначе, чем Яна. Мариан и Богдан были в курсе того, что происходит в хозяйстве. Между собой они общались на темы, которые были совершенно чуждыми Яну: про угожья и севооборот. Ян, конечно, на тот момент слышал подобные слова от отца, но ему никогда не приходило в голову спросить об их значении²¹.

На его некоторую отстраненность накладывался еще и тот факт, что Яна приучили никогда не вмешиваться в разговоры взрослых, либо же вели подобные беседы в таком ключе, что ребенок терял всякий интерес даже к тому, чтобы просто их слушать. Возможно, в этом была одна из ключевых ошибок воспитания, так как будущий фотограф просто отгораживался от родителей, считая, что они живут в своем, непостижимом для него мире. Поэтому его удивило, когда он увидел, что его братья спокойно участвуют в разговорах своих родителей и других людей старше себя, задают вопросы и т.п. У Яна это вызывало раздражение. Подливал масла в огонь и отец Яна, нахваливая своих племянников за любознательность и часто повторяя, что у его сына в голове только синий миндаль и ледяные замки²², имея в виду то, что Ян очень далек от реального мира. Дружбы между Яном и его двоюродными братьями не сложилось, и общались они скорее по обязанности.

Антоний Булгак часто ругал родителей Яна за то, что они воспитывают его неправильно, потворствуют ему и делеют его слабости. Родители в ответ предпочитали отмалчиваться. Того же мнения придерживалась и сестра отца, которую на французский манер называли

¹⁹ Ibid. S. 173.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibid. S. 174.

²² Ibid. S. 175.

Бабетка. Она также ругала мать мальчика за вредное воспитание, но, по иронии, свою единственную дочь воспитывала подобным же образом, постоянно окружая ее излишней заботой²³.

Ян, однако, признавал, что воспитание братьев было гораздо лучше. За этим следил лично Антоний Булгак, мать же права голоса в этом вопросе не имела. Дети занимались изучением польского языка и истории со специально приглашенной гувернанткой Розалией Вежбицкой²⁴. Яна этому не учили. Интересна также история, которую Ян узнал от своего брата Мариана, о которой его родители умолчали. Один из представителей рода Булгаков, Томаш, за участие в обоих польских восстаниях был дважды сослан в Сибирь, где в общей сложности провел 28 лет и только к концу жизни смог вернуться на родину. В 1889 г. Томаш и его жена Тереза отмечали пятидесятилетний юбилей своей свадьбы. Это был большой праздник, и на него собралось множество родственников. Не приехала только семья Яна. Можно предположить, что родители оберегали ребенка и боялись каких-либо опасных разговоров. Булгак, вспоминая об этом, всё же не может скрыть свою обиду на родителей, даже по прошествии немалого времени. Для него Томаш и Тереза выступали в роли героев и должны были служить примером для всей семьи²⁵.

Яна начали учить, когда ему исполнилось полных семь лет. Как сообщает мемуарист, среди шляхты того времени было распространено мнение, что обучение плохо сказывается на здоровье. Впрочем, тогда считали, что и частое принятие водных процедур является не совсем полезным. Родители с пониманием относились к тому, что молодым людям не особо нравилось сидеть в тесных школьных помещениях над книжками, а гораздо большую радость приносили занятия на свежем воздухе, например, охота или езда верхом. Большинство шляхетской молодежи в родных местах Адама Мицкевича редко заканчивало гимназию, четыре класса для жителей Новогрудка и окрестностей уже считалось колоссальным достижением, а диплом университета был совсем редкостью²⁶.

Мемуарист утверждает, что уже до начала обучения смог кое-чему научиться самостоятельно, например, он знал буквы и мог даже читать по слогам. Помогло то, что его няня Юлия занималась обучением своей дочери Франуси, которой приходилось объяснять

²³ Ibid. S. 176.

²⁴ Ibid. S. 178.

²⁵ Ibid. S. 179.

²⁶ Ibid. S. 48.

всё по несколько раз, поэтому Ян многое хорошо запомнил. У няни отношение к обучению было аналогичным, по ее мнению, «панское дитя не должно ничего делать, только гулять»²⁷.

Занятия обычно проходили в гардеробной. Поначалу занимались только чтением, причем Яна очень увлекло это занятие. Также примерно в этом возрасте он получил первоначальные навыки письма, хотя полноценно научился писать примерно к восьми годам²⁸, так как увлекся написанием писем своим родителям и няне. После этого родители приняли решение, что пришло время начать обучать ребенка уже более серьезно. Знание иностранного языка во многом определяло место дворянина на внутридворянской иерархической лестнице²⁹.

Говоря о распространении французского языка и его главенстве в дворянском воспитании, следует указать, что даже на пике «галломании» она была далеко не повсеместной. Чаще всего встречались дома с двуязычием, где в домашних условиях общались на родном языке, а в обществе на французском. В польской среде особо приветствовалось владение французским языком, поэтому родители пригласили в дом учительницу. После этого роль няни Юлии была закончена, что у нее самой вызвало грусть: она успела привязаться к ребенку, и ворчала, что учеба — это всё панские выдумки и мучение детей³⁰.

Ян смог проникнуться симпатией и к новой гувернантке панне Франциске. Уже через несколько месяцев маленький Ян научился бегло говорить по-французски, так как панна не знала по-польски ни слова. В доме было заведено новое правило, что на время обучения Ян и с родителями должен общаться только на французском языке. Это его очень угнетало, ребенок считал это лишним и странным.

Польскому же языку Яна не обучали вовсе: о грамматике и польской истории не было речи ни тогда, ни позже³¹. Он объяснял это тем, что в этих предметах не было практической необходимости, достаточно было того, что он и так знал на тот момент. Зато в домашнюю программу сразу после французского было включено преподавание русского языка, так как он был необходим для поступления в гимназию в Вильно.

Булгак пишет, что в его семье использовались два вида польского языка: повседневный и праздничный, т.е. обычный разговорный

²⁷ Ibid. S. 49.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Бокова В. Отроку благочестие блюсти. С. 133.

³⁰ *Bulhak J.* Op. cit. S. 50.

³¹ Ibid. S. 51.

и литературный. При написании писем использовали польский, который более-менее был похож на правильный, отличаясь в некоторых случаях ударениями и произношением. В повседневной жизни говорили на смеси польского, белорусского, французского и русского языков. Смешение это было связано с присутствием в доме прислуги, которая общалась на сельском наречии и чистый польский не понимала, а родители не могли отгородить маленького Яна от этой речи³². Белорусская исследовательница В.Р. Корнелюк полагает, что Ян идентифицировал самого себя именно как поляка, так как о белорусском языке мемуарист пишет как о чужом, а к русскому языку относится и вовсе с ненавистью³³.

Такое суждение вполне обоснованно. Во-первых, мемуарист неоднократно с большой любовью пишет о «несчастной Польше», его слова наполнены вполне определенным патриотизмом, который ассоциируется у него с королем Яном III Собеским. Изображения короля даже висели в спальне, олицетворяя отчизну³⁴. Во-вторых, вспоминая своего отца, Ян пишет, что Валерий Булгак в домашней жизни был человеком мягким, однако, верным своим принципам и проявлял неожиданную силу характера — «эту старопольскую добродетель, такую близкую к римской *virtutis* (доблести)»³⁵.

С восьми лет мальчик стал очень много читать, причем всё подряд и без разбора, настолько увлекало его это занятие, хотя все имевшиеся в доме книги были рассчитаны на взрослых. Когда мальчик стал чуть старше, родители специально для него начали выписывать журналы. Булгак пишет, с каким нетерпением он ждал журнал «Пшияцель дзеци» (“Przyjacieł dzieci”)³⁶ и с каким интересом мог часами разглядывать его и перечитывать³⁷.

Сами мать и отец, занятые домашними делами, не читали почти ничего и не видели в этом необходимости. Поэтому в семье к домашней библиотеке, составленной случайно, интерес проявлял только ребенок. В.М. Бокова подчеркивает, что большинство дворян Российской империи в XIX в. вообще ничего не читало, а некоторые

³² *Bulhak J.* Op. cit. S. 54, 55.

³³ *Карнялюк В.Р.* Успаміны Яна Булгака як гістарычная крыніца // Ян Булгак і культура заходнебеларускага рэгіёну ў канцы XIX ст. да другой сусветнай вайны. Гродна, 2009. С. 72.

³⁴ *Bulhak J.* Op. cit. S. 34.

³⁵ *Ibid.* S. 148.

³⁶ “Przyjacieł dzieci” — польский еженедельный научно-развлекательный журнал для детей, издавался в Варшаве в 1861–1915 гг.

³⁷ *Bulhak J.* Op. cit. S. 49.

даже думали, что слишком прилежное чтение книг, в том числе и Библии, способно свести человека с ума³⁸.

Очень интересно объяснение этого факта самим мемуаристом. Он пишет, что его родители были детьми своей эпохи — времени после восстания 1863–1864 гг. Не прошло еще и 20 лет, и память о М.Н. Муравьеве в этих местах была жива в душе каждого взрослого поляка. Его родители тогда только становились на ноги, выходя из бедственного положения, обремененные родительскими долгами, тяжело работали, чтобы достичь независимой жизни. Отец проявлял мало инициативы в вопросах, которые не касались повседневной жизни, а мать была занята хлопотами по дому, заботой о своем здоровье и здоровье своего сына. Времени на другие занятия практически не оставалось.

После неудачного восстания шляхтичи медленно возвращались к жизни и жили как будто в летаргическом сне, постоянно находясь не только под гипотетической угрозой арестов, доносов и конфискации, но и в реальной ситуации запрета для польского дворянства покупать землю. «Сидели как мыши под веником, заботясь только о хлебе насущном»³⁹, — так описывает жизнь своей семьи Ян Булгак. Отягощал их материальное положение и карательный налог, введенный после восстания для всех лиц польского происхождения. Налог просуществовал до 1905 г.

Однако кое-что о 1863 г. Ян узнал, еще будучи ребенком. Он слышал рассказы о временах, когда всё еще было «по-польски», о том, какие несчастья и утраты принес этот год. Об этом говорили вполголоса, оглядываясь на дверь. Это, безусловно, производило особое впечатление на ребенка, и он сам старался найти всему этому объяснение. Он решил, что просто никто еще не взялся за этот вопрос серьезно и должным образом. Ему казалось, что решить всё можно очень просто, ведь достаточно приехать к царю, очень сильно его попросить вернуть Польшу, и не может быть, чтобы монарх отказал в этой просьбе. Для Яна самой сложной казалась другая задача: как добраться до Петербурга, который находился, по его представлениям, слишком далеко, посреди снегов и льдов⁴⁰.

Еще одним занятием, входящим в обязательную домашнюю программу, было, как уже говорилось, обучение музыке, а именно игре на фортепиано. Этим занималась мать Яна Юзефа. Маленькому

³⁸ Бокова В. Отроку благочестие блюсти... С. 169.

³⁹ *Bulhak J.* Op. cit. S. 54.

⁴⁰ *Ibid.* S. 62.

ребенку это занятие казалось настолько нудным, что всякий раз он не мог дождаться его окончания. Очень часто мать теряла терпение, видя, что Ян не проявляет ни желания, ни старания за инструментом, и била его за это по рукам, тем самым напрочь отбив желание заниматься музыкой⁴¹. Музыка была включена в число обязательных предметов для изучения дворянскими детьми примерно во второй половине XVIII в., когда она стала одним из «приятных искусств», которые могли разнообразить досуг светского человека⁴².

Ребенка пугало и одновременно увлекало всё, что нарушало каким-либо образом привычный распорядок дня. С шести лет родители начали его брать с собой во время визитов к родне. Однако Яна больше увлекали не люди, а сам процесс поездки куда-либо⁴³. Ему нравилось осматривать окрестности, видимо, тем самым он расширял свои детские представления об окружающем мире. В один из таких визитов, к родственнику Адаму Булгаку, Ян получил в подарок настоящее одноствольное ружье. Состояние этого ружья оставляло желать лучшего, но для ребенка такое приобретение стало целым событием. Стрелять ему из него не разрешалось, но держать в руках оружие не возбранялось⁴⁴. Ян гордо называл свое сокровище дробовиком.

Уже в столь раннем возрасте Булгак имел представление о соседской округе, кого-то он видел, кого-то знал только по рассказам. Ему особенно запомнилась семья пана Рышарда Чечега, жившая неподалеку в одноименной усадьбе Осташин. Семья эта была известна суровыми методами воспитания детей. Яна пугали разными рассказами об этой «тюремной дисциплине». Булгак считал, что это какой-то новый метод воспитания, придуманный для блага самих ребят, однако, по его мнению, от такого воспитания могли получиться только манекены, но никак не люди⁴⁵. Физическое воспитание детей в XIX в. долго колебалось между двумя полюсами — крайней изнеженностью и почти спартанской суровостью⁴⁶.

К восьми годам Ян уже бегло говорил по-французски, знал все правила грамматики, знал кое-что из французской истории. По-польски он тоже писал неплохо, но не имел ни малейшего представления о грамматике и о польской истории. Он не знал даже, как

⁴¹ *Bulhak J.* Op. cit. S. 57.

⁴² *Бокова В.* Отроку благочестие блюсти. С. 162.

⁴³ *Bulhak J.* Op. cit. S. 69.

⁴⁴ *Ibid.* S. 73.

⁴⁵ *Ibid.* S.74, 75.

⁴⁶ *Бокова В.* Отроку благочестие блюсти... С. 33

выглядят такие учебники, так как в доме подобных книг просто не было⁴⁷.

За здоровьем ребенка родители следили особенно тщательно. При любых подозрениях на плохое самочувствие тут же вызывали доктора Марцинкевича, хотя тот и не мог отличить тиф от воспаления легких⁴⁸. Из Варшавы для Яна была даже специально привезена аптечка, состоящая из гомеопатических средств.

Для укрепления здоровья Яна заставляли есть мясо, запрещали при этом фрукты и холодную воду, которые якобы могли навредить ребенку⁴⁹. В профилактических целях утром и вечером он должен был полоскать горло, перед обедом принимать рыбий жир. Мальчика злил такой распорядок, он считал, что он как будто заперт в клетке и не имеет возможности проявить инициативу. Как только он заболел, его сразу укладывали в кровать, и он ощущал себя как в монастыре. Особую злость вызывал у него платок, который ему повязывали на голову и шею, если у него болело горло, так как он считал, что выглядит, как девочка⁵⁰. Естественно, что во время болезни Яну запрещалось гулять, что было настоящей трагедией для ребенка.

В 1884 г. родители решили нанять для восьмилетнего Яна гувернера, потому что учительница французского к тому времени успела научить его всему, что знала сама. В.М. Бокова отмечает, что в дворянской среде Российской империи к подросткам детям обычно между семью и девятью годами вместо женщины приставлялся мужчина, т.е. они окончательно переходили из женских рук в мужские, а значит, и сами начинали считаться маленькими мужчинами⁵¹.

Слуги пугали Яна тем, что скоро его увезут в гимназию, далеко в другой город, там он должен будет говорить на русском языке и будет испытывать какие-то небывалые муки⁵². Маленького Яна это довольно сильно страшило, так как он не представлял себе другого порядка кроме того, что существовал в его маленьком мире. Однако в один момент этот порядок нарушили два события: приезд нового наставника Рышарда Лопушинского и переселение в их дом семьи дальнего родственника по материнской линии Бронислава Хациского с сыном Стасом. Надо отметить, что с Брониславом мать Яна отношений до этого не поддерживала. Оказался он в их доме потому, что потерял

⁴⁷ *Bulhak J.* Op. cit. S. 104.

⁴⁸ *Ibidem.*

⁴⁹ *Ibidem.*

⁵⁰ *Ibid.* S. 105.

⁵¹ *Бокова В.* Отроку благочестие блюсти. С. 209.

⁵² *Bulhak J.* Op. cit. S. 106.

свои земельные владения под Ивенцом в Минской губернии из-за любви к прожиганию жизни. Поскольку в дворянской среде было принято поддерживать членов своего рода, родители мемуариста не смогли отказать разоренному родственнику в помощи.

Новые родственники были уже порядком обрусевшими, и это вызывало интерес у маленького Яна; ему нравилась речь, непохожая на домашнюю. Сначала Хациские жили в доме Булгаков как гости, но со временем стали участвовать в ведении хозяйства. Семья была довольно шумной и нарушала привычную спокойную атмосферу в доме, из-за чего Юзефа на них сердилась. Интересную характеристику дает Ян Булгак Брониславу Хацискому. Он тоже был единственным ребенком к семье, принадлежал к категории «помещичьих сынков», воспитанных неразумными родителями в роскоши и лени, не имел никакой специальности и желания чему-либо учиться. Потеряв свое владение, стал «типичным неудачником, коротая время за стрельбой, разговорами и рюмкой»⁵³.

Постепенно приближалось время сдачи экзаменов для поступления в виленскую гимназию. Именно в связи с этим в дом был приглашен гувернер пан Лопушинский. С этого времени в жизни Яна начинается новый период: закончился период французский и начался период русский. Лопушинский, человек малопрятный, любил поест и проявлял повышенный интерес к женщинам. Ян сомневался в наличии у него какой-либо педагогического опыта, так как гувернер если и рассказывал о своих предыдущих местах работы, то в самых общих чертах⁵⁴.

Лопушинский принадлежал к гувернерам «старого времени», его методика заключалась в банальной зубрежке. Если у учеников возникали вопросы, он предпочитал отмалчиваться, демонстрируя, как ему казалось, своим молчанием некую мудрость. Поначалу, видимо, у гувернера получалось обманывать таким образом семью, но в конце концов в нем распознали любителя пожить за чужой счет. В свою очередь, наставник смотрел сквозь пальцы на разные хитрости со стороны Яна: если тому не хотелось что-то учить, то он просто списывал.

В преподавании пан Лопушинский явно силен не был: через два года Яна экзаменовал помощник репетитора из гимназии в Вильно, и оказалось, что русскому и латинскому языкам мальчик обучен весьма слабо, его знаний совершенно недостаточно для поступления

⁵³ *Bulhak J.* Op. cit. S. 108, 109.

⁵⁴ *Ibid.* S. 110.

в первый класс. Только после этого наставник был заменен на студента Петровского, которого рекомендовали соседи⁵⁵, и несколько месяцев Яну пришлось заниматься гораздо интенсивнее, чтобы сдать вступительные экзамены в гимназию.

У юного Булгака осталось всего три месяца, чтобы осилить то, что он не смог выучить за два года. Вместо летних прогулок он сидел за книжками. С русским всё пошло довольно просто — новый учитель говорил с ним только на этом языке и Ян довольно быстро освоил «чужую и немилую», на взгляд взрослого мемуариста⁵⁶, речь. Пока мальчик штудировал учебники, родители были заняты приготовлениями к отъезду. Вместе с Яном в Вильно отправлялась мать, чтобы облегчить его пребывание в новых условиях. На этом воспоминания о детстве у Булгака заканчиваются. Уезжая из родного дома, 11-летний мальчик чувствовал, что его беззаботное детство подошло к концу.

Можно предположить, что переезд в большой город, несомненно, пугал одинокого шляхетского мальчика из удаленного от цивилизации Осташина, потому что до этого весь его мир был заключен в пределах родного дома.

Детство Яна Булгака, о котором благодаря уникальной памяти мемуариста мы имеем самые подробные сведения, — пример тепличного шляхетского воспитания. Являясь единственным ребенком в семье, мальчик имел достаточно свободы для знакомства с окружающим миром, о его здоровье тщательно заботились. Большое внимание родители уделяли его образованию, ему нанимали учителей, покупали книги и выписывали журналы, что в сельской среде было не так просто. Говорить о типичности подобного воспитания было бы опрометчиво ввиду отсутствия опубликованных источников, столь же подробных по изложению. На примере двоюродных братьев Яна мы убедились в том, что подобного рода воспитание в среде окрестной польской шляхты в 1880-е гг. являлось скорее исключением, чем правилом.

Итак, уникальное повествование о детстве позволяет нам выявить основные особенности в воспитании ребенка в типичной семье польского шляхтича. В целом система воспитания и обучения в семьях польских шляхтичей мало отличалась от воспитания дворянских детей в Российской империи второй половины XIX в. Воспоминания Яна Булгака значительно расширяют традиционные представления о формировании ценностей, присущих в конце XIX в. польскому дворянскому обществу.

⁵⁵ Ibid. S. 256.

⁵⁶ Ibid. S. 257.

References

Bokova V.M. *Otroku blagochestiye blyusti. Kak nastavlyali dvoryanskikh detey* [Let the Boy Observe Piety. How Noble Children Were Instructed]. Moscow: Lomonosov, 2013. 248 p.

Bołdyrew A. *Matka i dziecko w rodzinie polskiej. Ewolucja modelu życia rodzinnego w latach 1795–1914* [Mother and Child in the Polish Family. The Evolution of the Family Life Model in 1795–1914]. Warsaw: Neriton, 2008. 380 p.

Karnialiuk V.R. *Uspaminy Jana Bulhaka jak historyčnaja krynica* [Memoirs by Jan Jan Bułhak as a Historical Source] // *Jan Bulhak i kultura zachodniebielarskaha rehijonu ũ kancy 19 st. da Druhoj susvietnaj vajny: zbornik navuk. artykulau* [Jan Bułhak and Culture of the Regions of Western Belarus from the Early 19th Century to the World War II: Collected Papers]. Hrodna: HrDU, 2009, pp. 68–74.

Kicowska A. *Pamiętniki jako źródło do badań nad dzieckiem i dzieciństwem* [Memoirs as a Source for Study of Child and Childhood] // *Dziecko w rodzinie i społeczeństwie. Dzieje nowożytne* [Child in the Family and Society. Modern History]. Vol. 2. Bydgoszcz: Wydaw. Uczelniane Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2002, pp. 301–310.

Pachocka A. *Dzieciństwo we dworze szlacheckim w I połowie XIX wieku* [Childhood in the Noble Palace in the First Half of the 19th Century]. Cracow: Avalon, 2009. 267 p.

Viaršyckaja T.R. *Ziamny panteon Jana Bulhaka* [Earthly Pantheon of Jan Bułhak] // *Jan Bulhak i kultura zachodniebielarskaha rehijonu ũ kancy 19 st. da Druhoj susvietnaj vajny: zbornik navuk. artykulau* [Jan Bułhak and Culture of the Regions of Western Belarus from the Early 19th Century to the World War II: Collected Papers]. Hrodna: HrDU, 2009, pp. 16–20.

Waxmund R. *Historia dziecka i dzieciństwa z perspektywy prozy wspomnieniowej* [A History of Child and Childhood. The Story of a Child and Childhood from the Perspective of Memories] // *Dziecko w rodzinie i społeczeństwie. Dzieje nowożytne* [Child in the Family and Society. Modern History]. Vol. 2. Bydgoszcz : Wydaw. Uczelniane Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2002, pp. 311–321.

Поступила в редакцию
30 мая 2018 г.